

Л.А.Гаврилова

АВТОР И ГЕРОЙ В РАССКАЗЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «БОБОК»

Поднимается проблема автора и героя в рассказе Ф.М.Достоевского «Бобок». Исследование самосознания героя и автора, выявление трёх ценностных уровней их отношений позволяет увидеть их идейное, нравственное, духовное различие и одновременно глубинное родство. Достоевский таким образом даёт ключ к пониманию другого, устанавливает связь между двойником и собеседником. Это для писателя становится важным шагом в поиске решения важнейшей задачи литературного творчества — восстановления порушенного человека.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, «Дневник Писателя», автор, герой, самосознание, другой, собеседник, двойник, диалог, ценность

«Дневник Писателя» (далее — ДП — *Авт.*) — произведение Ф.М.Достоевского, в котором одной из ключевых авторских интенций является самосознание (или «саморефлексивность» [1, с. 16]). Эта творческая установка созвучна ключевой задаче творчества писателя — пониманию тайны человека [2, с. 63]. Тексты, входящие в ДП, являются лабораторией для творческого выражения самосознания писателя.

Целью данной статьи является рассмотрение взаимоотношений автора и героя в аспекте их самосознания в рассказе Ф.М.Достоевского «Бобок».

Рассказ опубликован 5 февраля 1873 года в № 6 журнала «Гражданин». Известен отзыв Андрея Белого, который отождествляет написанное в рассказе от лица героя с ценностной позицией Достоевского («*Безумие далее переходит в совершеннейший цинизм у самого Достоевского*» [3]). Такое мнение не случайно: рассказ написан так, что читатель постоянно сопоставляет героя и автора.

Уже вступительные слова автора «*Это не я; это совсем другое лицо*» [4, с. 41] интригуют читателя. Прежде всего, текст героя представлен автором как «Записки одного лица», а жанр записок актуален для творчества Достоевского. Самовысказывание героя дневникового характера: в тексте есть временная последовательность записей и ремарки героя, обращённые к себе самому, например «*Справиться в календаре Суворина*» [4, с. 44]. Однако, поскольку записки публикуются в журнале, читатель понимает, что герой обращён и к нему. Указанные особенности организации диалога в тексте героя сближают этот текст с ДП [5].

Герой иронизирует на тему общественной оценки умных и глупцов: «*Прежде, по крайности, дурак хоть раз в год знал про себя, что он дурак, ну а теперь ни-ни... И до того замешали дела, что дурака от умного не отличишь*» [4, с. 42]. Автор во вступлении к ДП похожим образом и неоднократно иронизирует, например: «*Прежде слова «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь*» [4, с. 6]. Эти высказывания выражают один смысл: в обществе ценность мысли как таковой нивелируется.

Важно также то, что герой говорит словами автора: сентенция об удивлении, которую высказывает герой [4, с. 44], взята Достоевским из чернового варианта своего фельетона «Мечты и грёзы» [4, с. 402] Очевидно, что между автором и героем на уровне ценностей, мыслей и подходов к созданию текстов наблюдается сходство и согласие.

Автор и герой — литераторы. Одна из творческих интенций Достоевского в ДП проповедническая [6]. Герой тоже претендует на роль проповедника («*Разве что безмездно письма по редакциям рассылаю, за мою полную подписью. Всё увещания и советы даю, критикую и путь указую*» [4, с. 42]). Однако, в отличие от автора, герой не продвинулся на литературном поприще. Журналы его повесть и фельетоны не публикуют. Это литератор-неудачник, живущий написанием заказных текстов. В нём недостаточно индивидуальности: имя Иван Иванович почти условно, фамилию свою герой не называет и выступает в ДП как «одно лицо». Герой чувствует, что не может в полной мере состояться как литератор. Этим отчасти объясняется его озлобленность и сарказм: «*Я не обижаюсь: не бог знает, какой литератор, чтобы с ума сойти*» [4, с. 42].

Немаловажно в данном случае упоминание героя о его портрете и портрете редактора «Гражданина», под которым подразумевается Достоевский. Оба приняты обществом негативно, а изображённые на них лица заподозрены в душевном нездоровье. (Герой отмечает: «*Читаю: «Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо*» [4, с. 42]. В то же время Л. К. Панютин в газете «Голос» от 14 января 1873 г., имея в виду портрет Достоевского работы В.Г.Перова, пишет: «*Это портрет человека, истомленного тяжким недугом*» [4, с. 402].) Однако герой относится к живописцу столь же злобно-иронично, как и к себе, считая, что тот написал портрет лишь из-за двух бородавок на его лице: «*феномен, дескать*» [4, с. 42]. Герой не видит ни лица художника, ни своего лица. Художник — «безыдейный», «безликий» заслуженный собеседник [7, с. 158-159] героя — на духовном уровне является его зеркальным отражением. Достоевский же, напротив, относится к автору своего портрета со вниманием и большим уважением. В письме Н.Н.Страхову от 3 мая 1872 года он пишет: «*<...> с Перовым я бы очень хотел Вас познакомить*» [8, с. 236]. Глубину взгляда Перова на предмет изображения Достоевский высказывает в фельетоне «По поводу выставки», помещённом в ДП 1873 г.

Отмеченные характеристики показывают, что между автором и героем при сходстве биографических подробностей есть ценностные разногласия.

Герой имеет целый ряд особенностей. Его убеждения прозападной направленности: герой переводит с французского, приводит в доказательство испанскую острогу о французах. Его желание — собрать «Вольтеровы бонмо». Идеолог Просвещения для героя — ценностный ориентир: *«Какой теперь Вольтер; нынче дубина, а не Вольтер! Последние зубы друг другу повыбились!»* [4, с. 42]. Мысли героя на кладбище находятся в материалистической плоскости: за панегирик *«его превосходительству покойному Петру Матвеевичу большой куш хватил»* [4, с. 42], *«четыре рубля на одни почтовые марки истратил»* [4, с. 42]. Он говорит о родственниках, мысленно оценивая их благосостояние. Покойников герой тоже воспринимает сквозь призму денег: *«Покровы разных цен», «Третий разряд в тридцать рублей: и прилично и не так дорого. Первые два в церкви и под папертью; ну, это кусается»* [4, с. 43]. Даже к пониманию присутствия духовенства на кладбище герой подходит с позиции материальной выгоды: *«Причту нельзя пожаловаться: доходы»* [4, с. 43]. Мысли героя о деньгах во многом объясняются тем, что он беден, однако его гораздо больше беспокоит низкий социальный статус (*«Вицмундир мой действительно плоховат»* [4, с. 43]). На его взгляд, именно в этом причина равнодушия к нему со стороны родственников, отношения с которыми формальны. Важностью для героя социального статуса обусловлено и присутствие его на похоронах. Герой вынуждает себя прийти потому, что покойный хоть и дальний родственник, но коллежский советник.

К вопросам православной веры герой тоже относится формально. О недоеденном бутерброде на могильной плите он говорит: *«Скинул его на землю, так как это не хлеб, а лишь бутерброд. Впрочем, на землю хлеб крошить, кажется, не грешно; это на пол грешно»* [4, с. 44]. Герой даже дерзает цинично острить, смешивая высокое с низким: *«Но дух, дух. Не желал бы быть здешним духовным лицом»* [4, с. 43]. Он не только приходит на кладбище нетрезвым, но и отлучается с отпевания покойника в храм в ресторан, чтобы выпить и закусить. Вынося тело в гробу из храма к могиле, герой думает лишь о причине его физической тяжести, руководствуясь законами механики и здравым смыслом [4, с. 44]. Можно сказать, что ценности героя рассказа сугубо материалистичны, что принципиально отличает его от автора. Наличие трёх ценностных уровней отношений автора и героя, показывает их идейное, нравственное, духовное различие и одновременно внутреннее родство.

Герой обеспокоен своей литературной неавторитетностью, которая в его представлении прямо пропорциональна социальному статусу. И причину этого он видит вне себя: герой брюзжит, воспринимает происходящее с презрением. В слове его даже к автору ДП сквозит пренебрежение: *«<...>люди с инженерным образованием судят больше о философии и политической экономии»* [4, с. 44]. Такую форму отношений с другим А.А.Ухтомский определяет так: *«Ты ничем не лучше меня — такое же порочное и маленькое существо, как и я, и поэтому я не хуже и не ниже тебя, и да царствует наше “равенство в правах”»* [7, с. 161-162]. Создавая образы других (живописца, редакторов, родственников, автора), герой интерполирует в них данные из своей нравственной личности [7, с. 158-159].

Самосознание героя неспособно развиваться адекватно, поскольку он сосредоточен преимущественно на себе. Герой начинает улавливать вибрации, находящиеся за пределами его сознания. В данном случае интересно обратиться к организации высказываний автора и героя. Слог героя описывается глазами его приятеля: *«Рубишь, рубишь — и вводное предложение, потом к вводному еще вводное, потом в скобках еще что-нибудь вставишь, а потом опять зарубишь, зарубишь...»* [4, с. 61]). Он похож на слог автора. Во вступлении к ДП Достоевский пишет: *«Это чрезвычайное событие, то есть чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), произошло, однако, довольно просто»* [4, с. 5]. Это слог нервный, рефлексивный побуждающий читателя к неоднократному перечитыванию и переосмыслению текста. Однако у автора он преднамерен. Во вступлении к ДП 1873 г. Достоевский пишет: *«<...>чтобы заставить себя читать, даже выгоднее писать непонятно»* [4, с. 6]. Для него важно включить читателя в диалог. Герой же найти объяснение своему усложняющемуся слогу не может: *«Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи. Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: «Бобок, бобок, бобок!»* [4, с. 43]. Сравнение этих высказываний показывает, что, по мысли Достоевского, обращённость к другому оказывается необходимым условием для адекватного самосознания, препятствующим возникновению двойников.

Нарушение самосознания героя художественно выражено как забытьё, сон, похожий на смерть: герой *«прилег на длинном камне в виде мраморного гроба»* [4, с. 44]. На то, что голоса мёртвых — это внутренние голоса героя, его двойники, в тексте есть указания. Например, мертвецы заговорили, а герой стал их слышать лишь после того, как очнулись: они присутствуют в одной реальности. Герой не испытывает страха. То, что он слышит голоса, для него лишь *«и странно, и неожиданно»* [4, с. 45]. Герой сетует: *«Ныне юмор и хороший слог исчезают, и ругательства вместо остроты принимаются»* [4, с. 42]. Авдотья Игнатьевна жалуется: *«<...>здесь отсутствие жизни и остроумия»* [4, с. 50]. Надо отметить, что мертвецы являются также выражением внешнего мира, пропущенного через обособленное восприятие героя: *«Этот сопляк новичок — я его давеча в гробу помню — выражение перепуганного цыпленка, наипротивнейшее в мире!»* [4, с. 48]. Двойники становятся знаком большой гордости героя, разорванности его диалога с другими.

Как и герой, мертвецы-двойники, говорят о деньгах, социальном статусе и развлечениях. При этом цинизм их безграничен. Даже последние два — три месяца милосердия Божьего не пробуждают их совесть. Наоборот, если в ценностной системе героя хотя бы формально существует понятие греха, то из ценностной

системы мертвецов-двойников оно осознанно исключено [4, с. 52]. Прижизненные социальные нормы поведения, которые Клиневич называет лживыми, оказываются для мертвецов более значимыми, чем закон Божий. «<...>я все-таки там стыдилась, а здесь я ужасно, ужасно хочу ничего не стыдиться!» — говорит Авдотья Игнатьевна [4, с. 52]. Мертвецы продолжают «свои разрушающие удовольствия, безразлично смотря в минуту наслаждения на доводы и на будущее» [7, с. 10]. В этом их сформированная при жизни доминанта [7, с. 18] и правда. Таким образом, герою открывается страшная, мертвая бездна человеческой души, в состоянии которой даже смерть человека ничего не меняет. Герой колеблется на её краю. Он осуждает мертвецов так же, как живых, воспринимает их как других, не схожих с ним, отстраняется от них. Однако в конце своего рассказа он вдруг говорит о совести: «А к тем непременно вернусь. Обещали свои биографии и разные анекдоты. Тьфу! Но пойду, непременно пойду; дело совести!» [4, с. 54]. Высказывание это двусмысленно с точки зрения выражения героем отношения к мертвецам, его готовности изменить свою ценностную доминанту: не ясно, он по-прежнему относится к мертвецам как посторонним, а значит, движим лишь любопытством и низменным удовольствием, или он уже готов увидеть в мертвецах своих двойников, принять их как проявление своего нравственного падения, т. е. стоит на пороге очищения своей души.

Для понимания автора к герою необходимо обратиться к контексту рассказа «Бобок». В письме М.П.Погодину от 26 февраля 1873 г. Достоевский высказал свою задачу как редактора журнала «Гражданин»: «Социализм <...> проел почти всё поколение. <...> Надо бороться, ибо всё заражено. Моя идея в том, что социализм и христианство — антитезы» [8, с. 262]. Обозначенная интенция проходит через весь «Дневник Писателя», так или иначе выражаясь в его текстах.

Предшествует рассказу «Бобок» фельетон «Влас», публикация которого состоялась в «Гражданине» 22 января 1873 г., т. е. лишь двумя неделями ранее. В фельетоне Достоевский, полемизируя с Некрасовым, как он сам отмечает, заглядывает «в душу современного Власа» [4, с. 41]. Писатель склоняется к тому, что христианское начало в народе всё-таки возьмет верх над гордым, разрушительным нигилизмом. Веру в русский народ, базирующуюся на подлинности жизненного факта, Достоевский выражает прямо и четко: «В последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неумолимой силою обвинения. Очнется Влас и возьмется за дело божие. <...> Себя и нас спасет...» [4, с. 41]. При этом, вводя оппозицию «он — мы», Достоевский указывает на большую разницу между народом и просвещённым обществом, к которому относит и себя. И если в христианские ценности народа он всё-таки верит, то духовное состояние и будущее русской интеллигенции остаются для него под вопросом. Размышлением на эту тему и становится рассказ «Бобок».

Всматриваясь во внутренний мир героя, автор ищет ответ на вопрос, есть ли в душе русского человека, воспитанного в западном духе, живая сила, которая даст ему возможность обратиться к Богу и нравственно очиститься. Наличие трёх ценностных уровней отношений автора и героя показывает их самостоятельность, принципиальное различие и одновременно глубинное родство. Достоевский таким образом даёт ключ к пониманию другого, устанавливает связь между двойником и собеседником. Это для писателя становится важным шагом в поиске решения важнейшей задачи литературного творчества — восстановления поруганного человека.

Проблема распада души, расслоения сознания героя по-родственному близка автору. Поэтому он относится к герою как к собеседнику, старается его понять и принять. То, что герой открывает тёмные стороны своей души перед другими и вспоминает о совести, оставляет автору — и читателю — надежду на духовное возрождение, спасение героя и всего русского общества.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

1. Габдуллина В.И. Литературно-критический дискурс в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского: монография. Барнаул: АлтГПА, 2013. 171 с.
2. Достоевский Ф.М. Письма // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 28. Кн. I. Л.: Наука, 1985. 552 с.
3. Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. Т. 1 [Электр. ресурс]. М.: Искусство, 1994. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0450.shtml (дата обращения: 15.01.2020).
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1873 г. // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. 551 с.
5. Гаврилова Л.А. Двухнаправленность авторского замысла в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского (на материале выпусков 1876 г.) // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. № 2. С. 145-150.
6. Гаврилова Л.А. Проповедь в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского (на материале выпусков 1876 г.) // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского» / Под ред. М.Ю.Егорова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. С. 103-109.
7. Ухтомский А.А. Доминанта. «Public Domain», 2019. 558 с.
8. Достоевский Ф.М. Письма // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. I. Л.: Наука, 1986. 576 с.

References

1. Gabdullina V.I. Literaturno-kriticheskiy diskurs v "Dnevnikе pisatelya" F.M.Dostoyevskogo [Literary and critical discourse in the "Diary of a writer" by F.M.Dostoyevsky]. Monografiya. Barnaul, 2013. 171 p.
2. Dostoyevskiy F.M. Pis'ma [Letters]. In: Dostoyevskiy F.M. [Complete works in 30 vols, vol. 28, book 1]. Leningrad, 1985. 552 p.
3. Belyi A. Tragediya tvorchestva. Dostoyevskiy i Tolstoy [The tragedy of creativity. Dostoyevsky and Tolstoy]. In: Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma [in 2 vols, vol. 1]. Moscow, 1994. Available at: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0450.shtml (accessed: 15.01.2020).

4. Dostoyevskiy F.M. Dnevnik pisatelya 1873 g. [Diary of a writer 1873]. In: Dostoyevskiy F.M. [Complete works in 30 vols, vol. 21]. Leningrad, 1980. 551 p.
5. Gavrilova L.A. Dvunapravlennost' avtorskogo zamysla v "Dnevnikе pisatelya" F.M.Dostoyevskogo (na materiale vypuskov 1876 g.) [Bidirectionality of the author's intention in the "Diary of a Writer" by F.M.Dostoyevskiy (based on 1876 issues)]. Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik, 2015, no. 2, pp. 145-150.
6. Gavrilova L.A. Propoved' v "Dnevnikе pisatelya" F.M.Dostoyevskogo (na materiale vypuskov 1876 g.) [A sermon in the "Diary of a Writer" by F.M.Dostoyevskiy (based on 1876 issues)]. In: Yegorov M.Yu., ed. Kul'tura. Literatura. Yazyk: materialy konferentsii "Chteniya Ushinskogo". Yaroslavl, 2015, pp. 103-109.
7. Ukhtomskiy A.A. Dominanta [Dominant]. Public Domain, 2019. 558 p.
8. Dostoyevskiy F.M. Pis'ma [Letters]. In: Dostoyevskiy F.M. [Complete works in 30 vols, vol. 29, book 1]. Leningrad, 1986. 576 p.

Gavrilova L.A. The author and the hero in the story of F.M.Dostoyevskiy "Bobok". The article raises the problem of the author and the hero in the story of F.M.Dostoyevskiy's "Bobok". A study of the identity of the hero and the author, the identification of the three value levels of their relationship allows us to see their ideological, moral, spiritual difference and at the same time deep kinship. Dostoyevskiy thus gives the key to understanding the other, establishes a connection between the double and the interlocutor. This for the writer becomes an important step in finding a solution to the most important task of literary creation — the restoration of a ruined person.

Keywords: F.M.Dostoyevskiy, "Diary of a Writer", author, hero, self-awareness, other, interlocutor, double, dialogue, value.

Сведения об авторе. Лиана Анатольевна Гаврилова — кандидат филологических наук, старший преподаватель, Ярославский государственный университет им П.Г.Демидова, факультет филологии и коммуникации, кафедра теории и практики коммуникации; ORCID: 0000-0002-9593-6084; 79109611167@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.